

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396

EDN: XICTAA

Научная статья / Research article

Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности

Е.А. Варшавер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

✉ varshavere@gmail.com

Аннотация. Интеграция мигрантов переосмысливается через призму конструктивистских исследований этничности и, конкретнее, теоретического языка, разработанного автором и рядоположенного прочим современным конструктивистским языкам. Указывается, что этничность — это организация различий вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется. Категории, согласно языку, организованы в форме категоризаций, классификаций и таксономий; категории связаны с атрибутами, к которым относятся стереотипы, индикаторы, нормы, характеристики связей с другими категориями, а также дискурсы. Вместе категории и атрибуты образуют конструкцию этничности, являющуюся типичным объектом анализа и описания в исследованиях этничности. Индивиды перманентно оценивают окружающие явления на предмет соответствия конструкции этничности и — в случае несоответствия — модифицируют свои представления, отчего конструкция этничности меняется. Интеграция мигрантов — это или изменение конструкции этничности, или ре-категоризация индивидов в пространстве дихотомии «мигрантский» — «местный» без изменения конструкции этничности. В ходе интеграции «мигрантские» категории могут быть ре-категоризированы как «местные»; «местные» категории могут изменить атрибуты, с ними связанные, и включить атрибуты, до того связанные с «мигрантскими» категориями; категории и атрибуты могут не меняться, при том что происходить будет ре-категоризация на индивидуальном уровне. Как именно будет происходить интеграция — зависит от разнообразия факторов, характеризующих конструкцию этничности и выходящих за ее рамки. Конструкция этничности в России — это вернакулярная таксономия, предполагающая наличие общей категории (россияне, русские как обобщающая категория и проч.), в которую включаются прочие категории, которые определяются как «местные». Большинству «мигрантских» категорий соответствуют идентичные по названию «местные» категории. Интеграция мигрантов в России, таким образом, принимает

© Варшавер Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

форму индивидуального перехода из разряда, например, «таджиков-мигрантов» в «местные таджики». Язык, созданный и изученный на предмет применимости к интеграции мигрантов, анализируется на предмет плюсов и минусов и определяются направления для дальнейшей работы.

Ключевые слова: этничность, миграция, интеграция мигрантов, дружба народов, отношение к мигрантам

Для цитирования: *Varshaver E.A.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10038, <https://rscf.ru/project/22-78-10038/>

Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity

Evgeni A. Varshaver

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ varshavere@gmail.com

Abstract. The article rethinks the integration of migrants through the lens of constructivist studies of ethnicity. It is done on the basis of the theoretical language developed by the author, which builds upon other constructivist languages. It is pointed out that ethnicity is the organization of differences around categories, membership in which is predominantly inherited. Categories, according to language, are organized in the form of categorizations, classifications, and taxonomies; categories are associated with attributes, which include stereotypes, indicators, norms, characteristics of relationships with other categories, as well as discourses. Together, categories and attributes form the construction of ethnicity, which is a typical object of analysis and description. Individuals constantly evaluate the surrounding phenomena in terms of conformity with the construction of ethnicity, which is why the construction of ethnicity changes. Integration is a change in the construction of ethnicity or re-categorization of individuals in the space of the dichotomy «migrant» — «local» without changing the construction of ethnicity. In the course of integration, «migrant» categories may be re-categorized as «local»; «local» categories may change the attributes associated with them to include attributes previously associated with «migrant» categories; categories and attributes may not change, while re-categorization occurs at the individual level. How exactly integration will take place depends on a variety of factors that characterize the construction of ethnicity and go beyond it. The construction of ethnicity in Russia is a vernacular taxonomy, which implies the existence of a general category ('Rossijane', 'Russkie'), which includes other categories — defined as the «local» ones. Most of the «migrant» categories correspond to identical in name «local» categories. The integration of migrants in Russia thus takes the form of an individual transition from the category of «Tajik migrants» to «local Tajiks». The language created and studied for applicability to the integration of migrants is analyzed for pros and cons and directions for further work are identified.

Keywords: ethnicity, migration, migrant integration, peoples' friendship, attitudes towards migrants

For citation: Varshaver, E.A. (2023). Integration of migrants through the lens of a constructivist approach to ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10038, <https://rscf.ru/project/22-78-10038/>.

Введение

Как все чаще отмечается [Wimmer 2013: 1–15; Constructivist theories... 2012: 1–47; Варшавер 2022], академические исследования этничности находятся в моменте, когда по-старому работать уже нельзя, а как делать это по-новому — известно едва ли. Конструктивистский подход, сложившийся в послевоенной науке и — если говорить об аудиториях лучших вузов мира — одержавший на данный момент тотальную победу над во многом придуманным им «примордиализмом» или «эссенциализмом», уже несколько десятилетий подряд живет плодами этой победы в своего рода «конце истории» и каждой новой статьей, написанной в конструктивистской парадигме, по сути повторяет, что этнические явления динамичны и конструируются в ходе взаимодействий между людьми. Конструктивизм сейчас, говоря образно, это старый спортсмен, который, когда в гости к нему приходит молодежь, достает затертую видеокассету с записью славной победы, одержанной 60 лет назад, и заставляет гостей посмотреть ее в очередной раз. Содержательный кризис накладывается на кризис теоретического языка. В статьях и других работах регулярно используются популярные обороты и риторические фигуры, которые позволяют их употребляющим успешно публиковаться, среди них и разные выражения процессуальности (racialized, in the making и проч.), и субъективизирующий фокус на идентичности, и разного рода указание на вернакулярность¹ исследуемых контекстов (как «простые люди» воображают те или иные явления). Эта языковая игра, однако, едва ли приближает область исследований к ответу на важные вопросы, среди которых, среди многого прочего, persistency (устойчивость) этничности или, проще говоря, почему этничность везде и так сильно влияет на жизнь людей. Ответ на этот вопрос требует внимания к механизмам, посредством которых этничность «обволакивает» представления и поведение людей, становится проблематичным и часто ключевым фактором их жизни. Но для того чтобы понять, как нечто работает, это нечто необходимо назвать.

В ответ на указанную проблему стали возникать варианты конструктивистского языка, наиболее важными из которых в минувшем десятилетии стали проекты Канчан Чандры [Chandra 2006; Chandra, Wilkinson 2008; Constructivist theories... 2012] и Андреаса Виммера [Wimmer 2004; Wimmer 2008; Wimmer 2009; Wimmer 2013]. Чандра также указывает [Constructivist theories...

¹ Вернакулярный — бытующий в обыденном сознании.

2012: 5], что именно создание конкурирующих конструктивистских описаний реальности является одним из рецептов выхода из кризиса, поскольку для развития необходимо создавать пространство несогласия и спора. В недавней работе [Варшавер 2022] автор данной статьи критикует языки Чандры и Виммера, а также предлагает свой — простой и компактный язык, который позволяет создавать описания социальной ситуации на предмет этничности для ее последующего объяснения внешними, неэтническими факторами. Определяя этничность как организацию различий, конструируемых вокруг категорий, членство в которых обычно наследуется, автор указывает, что единицей описания реальности на предмет этничности является не этническая категория, а конструкция этничности — вся совокупность этнических категорий, существующих в обществе, и — разнообразные — их атрибуты (имеющиеся в обществе представления об этих категориях): стереотипы (представители категории — какие они?), нормы (как вести себя с представителем категории, как вести себя, если ты представитель категории?), дискурсы (с какими историями ассоциированы представители категории) и проч. Такое — лаконичное — описание частично повторяет работу, которую осуществляют прочие конструктивистские языки, и, в частности, «отвязывает» этничность и от групп, и от конкретных людей, «прописывая» ее в пространстве социальных фактов, частично — отталкивается от слабых мест существующих конструктивистских языков (контринтуитивность концепта «границы» у Виммера, непроработанность некатегориальных аспектов этничности у Чандры) и создает удобный дескриптивный «общий знаменатель» конструктивизма, в котором в качестве самого главного в целом заявляется связка категории — социальные смыслы категорий. Это основа, но — для достижения указанной выше цели объяснения *persistence* этничности — этот язык должен быть детализирован и в него должны быть включены такие элементы, которые позволяют в когерентном с прочими элементами этого языка ключе рассмотреть этничность на предмет ранее не учтенных (или поверхностно учтенных) аспектов. В частности, например, эта схема не учитывает вариативности атрибутов категорий, то есть того, насколько разнообразными могут быть явления, которые связываются с ними.

В этой статье будет приведена актуальная версия языка, позволяющего делать описание конструкции этничности в некотором контексте, при этом основным направлением его улучшения станет новая, расширенная и детализированная типология атрибутов этнических категорий. Среди прочего, например, в нее будут включены так называемые «индикаторы» — признаки, посредством которых люди распознают представителей тех или иных категорий в повседневности и сигнализируют о своей принадлежности другим. Такая постановка вопроса позволяет состыковать теоретический язык Чандры, чувствительный именно к такого рода явлениям, однако не различающий иных типов атрибутов, с теоретическим языком, который разрабатывает автор статьи и где атрибуты до определенного момента означали почти исключительно стереотипные представления о представителях категорий. Помимо этого, в этой версии языка внимание будет обращено на общие характеристики конструкции этничности,

не привязанные к конкретным категориям, такие, как, например, правила членства в этнических категориях, а также представления о том, возможны ли изменения категориальной принадлежности в течение жизни человека или человек «рождается» представителем категории и это не может быть изменено. Вторая часть статьи послужит иллюстрацией эффективности разработанного языка, через жернова которого будет пропущена довольно бедная в том, что касается теоретических языков, область знания, которую пока можно обозначить как «интеграцию мигрантов». В ней интеграция определяется в общем виде как изменение связей между категориями, атрибутами и людьми. Она происходит в трех идеально-типических режимах: (1) ре-классификация категорий из «мигрантских» в «местные», (2) расширение «местных» категорий за счет атрибутов, которые ранее были эксклюзивно «мигрантские», (3) сохранение конструкции этничности («местных» и «мигрантских» категорий) и ре-классификация индивидов. Прикладным выводом из этих построений является то, что интеграция мигрантов — это не столько вопрос миграционной политики, которая фокусируется в первую очередь на миграционных потоках, сколько вопрос политики национальной, в фокусе которой как раз и находятся представления жителей страны о том, кто такие «мы», кто теоретически может стать «нами», а кто не может, и что нужно для этого сделать. Именно этот вывод — в более детальной его версии — и закроет эту статью. Начнется, она, впрочем, небольшой выжимкой взгляда автора на современное состояние конструктивистских исследований этничности.

Конструктивистская парадигма сегодня

Вопреки распространенному мнению [Berg-Sørensen, et al. 2010; Williams 2015] конструктивизм сегодня — это не подход, рядоположенный прочим подходам, а парадигма, в рамках которой существуют исследования этничности и в принципе социальные науки. Согласно Т. Куну [Кун 1977], разработавшему идею научной парадигмы, парадигма — это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун 1977: 11]. Парадигма, таким образом, это и канон, и образ мысли, и представление о «хорошей» и «плохой» науке, которое задает критерии научной работы. Несмотря на то, что классические работы по философии и социологии знания, включая «Структуру научной революции», были написаны применительно к естественным наукам, история исследований этничности за последние 100 лет — с поправкой на специфику социальных наук — подпадает под это определение в полной мере. История смены парадигмы, хотя рассказывается по-разному [Hale 2004; Ozgen 2015; Yeros 1999], в целом сходится на следующем: до определенного момента исследования, посвященные этничности, находились в «ловушке эссенциализма». Эта ловушка состояла в том, что в качестве объекта в исследованиях социальных наук мыслились по-разному называемые группы — племена, народы, этносы, этнии, этнические группы и проч., они же, согласно имплицитно содержащемуся

в научной литературе представлению, обладали агентностью, то есть действовали, принимали решения и были «актерами истории», индивиды же скорее являлись инструментом, посредством которого этнические группы действуют и осуществляют «межэтнические отношения». Такое положение вещей частью было связано с воздействием эссенциализирующих представлений эпохи романтизма о народах, частью с достаточностью такой концептуальной разметки для колониальной антропологии того времени. Параллельно — прежде всего в социологии — сложилась совокупность подходов, позже квалифицированных как микросоциология [Benzecry, Winchester 2017; Gibson, vom Lehn 2018]. В микросоциологии ключевой единицей наблюдения является человек, он действует под влиянием разнообразия внешних сил и факторов, однако эти факторы — сети, институты, нормы, рациональность — являются не агентами, а контекстом поведения людей, и именно люди и их поведение оказываются в предельном фокусе исследований. Такого рода — прежде всего социологические и экономические теоретические — разработки проникли в антропологию, дисциплину, во многом «родовую» для изучения этнических явлений, и уже оттуда конструктивистские представления об этничности «вернулись» в социологию и распространились по другим дисциплинам² в качестве «признанных всеми научных достижений». О каких именно представлениях идет речь? Хотя конкретные онтологии и эпистемологии исследователей разнятся, равно как различаются и формулировки, предельный «символ веры» современного конструктивизма в исследованиях этничности можно резюмировать в трех пунктах.

1. В фокусе исследований находятся не группы, а представления людей о различиях, человеческое поведение, базирующееся на этих представлениях, а также явления, которые являются следствием этих представлений.
2. Эти представления структурируются вокруг этнических категорий и разнообразия смыслов, с этими категориями связанных.
3. Как категории, так и смыслы производятся и воспроизводятся в постоянном взаимодействии между людьми, отчего этничность носит динамичный характер (и, если некоторые этнические явления кажутся устойчивыми, речь идет о том, что всякий момент времени они «пересобираются» похожим образом).

Именно эти представления лежат в основе конструктивистской парадигмы и частью являются отправной точкой проводимых исследований этничности, частью — сущностным выводом из них. На первых этапах смены парадигмы положение вещей, когда каждое исследование одновременно исходило из того, что этничность конструируется, и описывало то, как она еще конструируется (см., например, [Alleyn 2002; Santiago-Irizarry 2001; Verkuuyten et al. 1995]), было продуктивным — это позволяло посмотреть иначе на привычные вещи. Однако

---

² Речь также идет и о политической науке, в рамках которой в последние годы дисциплинарно центрируются теоретико-методологические инновации, связанные с этничностью. И А. Виммер и К. Чандра, о концепциях которых будет сказано ниже, — номинально политические ученые.

сейчас, когда — как минимум в глобальных центрах производства научного знания — конструктивизм установился в качестве основополагающей рамки, наука об этничности по сути стоит на месте, ничего всерьез не открывая. Об этом неутешительном положении вещей стали говорить в последнее десятилетие, и проекты Канчан Чандры и Андреаса Виммера были заявлены как попытка перестать «пинать мертвую лошадь примордиализма» [Wimmer 2013: 2] и двинуться вперед. Движение вперед, согласно этим авторам, должно было быть обеспечено за счет создания конкурирующих между собой — уже исключительно конструктивистских — теоретических языков, программ, моделей и объяснений. Эта позиция была сформулирована около 10 лет назад, и в настоящий момент конструктивистских языков существует сравнительно немного, отчего каждая попытка создания языка является полезной для области знания. Ниже представлен авторский теоретический язык, который, как представляется, является, с одной стороны, достаточно широким, чтобы стать основой для ответа на разнообразные исследовательские вопросы (это отличает данный язык, например, от языка Чандры, сводящей этничность к идентичностям или категориям), с другой — лишенным груза ярких метафор (здесь преимущество над языком Виммера, работавшего с понятием «границы», метафоры, сыгравшей важную роль на этапе деэссенциализации исследований этничности, но столкнувшейся со значительными ограничениями в описательных возможностях и в настоящей момент упершейся в свой потолок). Этот язык в настоящий момент продолжает разрабатываться, и в настоящей статье будет представлена его версия на нынешний момент, существенно доработанная в сравнении с предыдущей его публикацией.

Этнические категории и их атрибуты: теоретический язык

Итак, ключевым элементом теоретического языка является *этническая категория*. В попытках определить этничность и отличить этнические категории от всех остальных было сломано немало копий. Консенсус, который сложился сейчас относительно такого рода определений, состоит в том, что при их формулировке не стоит отталкиваться от признаков, по которым — в разнообразии контекстов — осуществляются категоризации (например, языка, религии или фенотипических черт), поскольку в каждом следующем контексте набор признаков, определяющих принадлежность к той или иной категории, будет иным. Напротив, все больший вес среди исследователей набирают определения, согласно которым этнические категории отличаются от всех иных тем, что членство в них преимущественно наследуется [Fearon 2003; Fearon, Laitin 2000; Chandra 2006], и в этом смысле этничность противопоставляется двум прочим универсальным социальным классификациям — гендерным и возрастным [Cosmides et al. 2003]. Такое определение имеет свои недостатки. Среди них — включение в множество этнических категорий фамилий и, соответственно, отнесение семейно-родовых

категоризаций и классификаций к этническим. Это, впрочем, соотнобразуется с важной для современного конструктивистского подхода идеей, согласно которой те категоризации, в которых фактически живут люди, — это компромисс между универсальными и локальными категоризациями. Более того, если принять во внимание, что универсальные категоризации или классификации — это продукт модерна, можно предположить, что во многих до-модерных контекстах основой этнических категорий были как раз родовые категориальные системы. Другой недостаток таких определений происходит из того, что наследование не является единственным способом «пополнения состава» этнических категорий. Из конструктивистских антропологических исследований, начиная с работ Барта [*Ethnic Groups and Boundaries...* 1969], известно, что люди при определенных обстоятельствах могут менять этническую категорию принадлежности, в результате чего дарфурцы, рожденные фор, становятся багарра [Naaland 1969], а пакистанские пуштуны становятся белуджи [Barth 1969a].

Современным вариантом этничности, к чему постепенно приходят исследователи [Wimmer 2013: 7–10; Brubaker 2009], кроме того, является и институт гражданства: с одной стороны, он устроен таким образом, что совокупность граждан страны пополняется за счет наследования, с другой — очевидно, что вступить в гражданство возможно. Третий недостаток — это то, что в совокупность этнических явлений включаются прочие не-гендерные и не-возрастные классификации, в частности, например, классовая. Действительно, согласно этому определению, классы в той мере, в какой дети наследуют статус родителей, оказываются этническими категориями, однако если консенсус все больше склоняется к тому, чтобы считать расовые и национальные классификации вариантами этнических, классовым категориям он в этом отказывает. Возможным решением указанных проблем было бы обращение к когнитивной и эволюционно-психологической литературе [Kurzman et al. 2001; Goetze, James 2004; Salter 2008], в которой исследуется спонтанно осуществляемое мозгом различие «мы-они», а также категоризация тех людей, которые были отнесены к «они».

Существует версия, согласно которой представители категорий, которые не относятся к «мы», обрабатываются мозгом посредством тех же когнитивных модулей, которые используются для распознавания видов животных [Gil-White 2001]. По отношению к указанной литературе среди исследователей-конструктивистов есть определенная предвзятость: мейнстримные исследования этничности избегают любого типа пердурабиллизма — представления, согласно которому этничность — это что-то еще помимо интереса, реализация которого происходит за счет инструментализации разных элементов конструкции этничности, и это — в отличие от во многом воображаемого спора между конструктивистами и эссенциалистами — предметный спор, разрешение которого существенным образом повлияет на наши представления об этничности и человеке [Hale 2004: 462]. До разрешения этого спора, однако, далеко, равно как и до полноценной интеграции указанных

рамок в современные конструктивистские исследования этничности, а значит, в настоящий момент следует удовлетвориться определением, согласно которому *этничность — это организация различий вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*.

Этничность организована вокруг категорий, а сами категории существуют в контексте друг друга, в формате *категоризаций, классификаций и таксономий*. Различие между этими терминами лежит в степени систематизированности категорий, а также характеристиках соотношений между ними. Категоризация — это любая попытка выделения «типов» людей, при том, что люди могут относиться к нескольким типам одновременно или не относиться ни к одному типу, классификация — это универсальная и однозначная категоризация, предполагающая, что человек может быть представителем только одной категории. В этой связи официальные и институционализованные систематизации — такие как перепись или институт гражданства — тяготеют к статусу классификации, в то время как вернакулярный взгляд, выделяющий категории, описывающие жителей соседних сел, религиозные категории, категории, взятые из официальной этнической классификации, а также категории, описывающие принадлежность к национальным государствам, производит категоризации, а не классификации. Категоризации зачастую также предстают в форме таксономий, то есть представлений, согласно которым некоторые категории являются подкатегориями других категорий. Таксономии также могут носить более и менее структурированный характер, быть произведенными в качестве научных или же быть в полной мере вернакулярными. Именно категории, контекстуализированные друг другом в разных формах, являются объектом исследований этничности, однако есть и второй ее аспект — это разнообразие *атрибутов* категорий. В предыдущих работах атрибуты были заявлены, однако не были систематизированы должным образом, в этой работе будет произведена попытка такой систематизации и выделения типов атрибутов.

Итак, в общем виде атрибуты — это разнородные явления, которые разными способами связываются с этническими категориями. Именно посредством атрибутов этничность и вплетается в ткань социального, оказывая влияние на человеческое поведение, которое является предельным объектом интереса общественных наук. Можно выделить как минимум пять типов атрибутов. Во-первых, это *стереотипы*. Стереотипы — это обобщенные представления о том, какими являются представители категорий. Во-вторых, это *индикаторы* — признаки, по которым осуществляется распознавание представителей соответствующих категорий. В-третьих, это *нормы* — представления о должном поведении или представителей категории, или в ситуации взаимодействия с представителями категорий. К этому же пункту относятся институционализованные нормы — например, предпочтения или, наоборот, негласная дискриминация при поступлении в вуз. В-четвертых, это разнообразие *отношений между категориями* — их близость-дальность, сходства-различия, дружба-война и проч. Каждой категории может быть придана эго-сеть, в центре которой находится эта

категория, прочими вершинами являются другие категории, а ребрами — описания отношений между основной категорией и другими категориями. В-пятых, это *нарративы* — устные и письменные описания реальности — посредством которых раскрываются свойства категории.

Все разнообразие этнических категорий и их атрибутов в некотором контексте называется *конструкцией этничности*, при этом контекст может быть как небольшим и ограниченным, так и носить более широкий характер. Ограничение конструкции этничности не носит онтологического характера, а является функцией от необходимости очертить объект исследования. Так, на предмет конструкции этничности можно описать рекламный ролик, параграф учебника или разговор между двумя людьми, однако эти конструкции этничности будут частью больших конструкций этничности — на уровне страны, региона или даже всего мира. В каждом из случаев, однако, задача будет состоять в том, чтобы определить этнические категории, посредством которых разные акторы описывают мир, систематизировать их и выделить их атрибуты. Важно, что люди могут быть носителями конкурирующих описаний конструкции этничности, и эти конкурирующие описания в своем разнообразии также являются элементом конструкции этничности. Помимо этого, те или иные элементы конструкции этничности могут быть в большей или меньшей степени институционализированы и формализованы, и это также является объектом описания. Кроме того, характеристикой конструкции этничности являются правила членства в этнических категориях (передается ли членство по отцу, обоим родителям или действует принцип самоидентификации), а также вернакулярные концепции (народные социологии) этничности, то есть представления о том, насколько принадлежность к этническим категориям устойчива, насколько она может быть изменена со временем, в какой мере она характеризует людей и проч. К этому же пункту относятся и типичные *imaginaries*³, посредством которых воображается культурное разнообразие, а также метакатегории, посредством которых происходит к ним обращение. Так, например, в СССР разнообразие воображалось посредством метакатегории «национальность», в США такой метакатегорией является «раса», а разнообразие на глобальном уровне воображается посредством категории «нация». Метакатегория и ее смыслы имеют важные последствия в части понимания природы этнического разнообразия.

В процессе социализации люди осваивают категории, учатся связывать с ними конкретных людей, которых они видят в повседневной жизни, осваивают должное поведение как представители категорий и при взаимодействии с представителями других категорий, выучивают, кто «братский народ», а кто «враг», а также узнают нарративы. Конструкция этничности, в которую они социализируются, оказывается для них предельной реальностью, в результате чего их поведение оказывается под ее воздействием. Вместе с тем, однако, всякий

³ Социологический термин, обозначающий инструменты, посредством которых возникают и реализуются в социальных отношениях коллективные образы и явления. Карта мира — является *imaginary* национального, корона является *imaginary* монархии и проч.

момент времени люди занимаются реинтерпретацией реальности и «примирением» своих представлений с наблюдаемой реальностью (и в этих рамках может осуществляться рекатегоризация конкретных людей), а также (и это важно не менее, если не более) с прочими представлениями, которые им транслируются. В результате этого процесса возможно изменение конструкции этничности на индивидуальном и — в той мере, в какой она обсуждается в сообществах и сетях — коллективном уровне. Конструкция этничности, таким образом, с одной стороны, как любое представление, которое люди осваивают в раннем возрасте, характеризуется известной степенью устойчивости, а с другой — за счет механизма реинтерпретации — может меняться. В той мере, однако, в какой человеческое сознание склонно воспринимать существующее положение вещей как нормальное и устойчивое, в теоретическом смысле продуктивнее мыслить конструкцию этничности и связь между категориями и конкретными людьми как продукт постоянной реинтерпретации и рекатегоризации. Этот ход также будет полезен для осмысления посредством этого языка такого процессуального явления, как интеграция мигрантов.

Интеграция мигрантов через призму теоретического языка

Литература, посвященная интеграции мигрантов, крайне объемна, а термины, которые используются для обозначения этого понятия (интеграция, ассимиляция, инклюзия, абсорбция и проч.), — весьма разнообразны. Среди основных конструктивистских языков, связанных с этничностью, попытки переописания этого явления осуществлялись в рамках языка, созданного вокруг термина «границы» такими ключевыми авторами, как Ф. Барт [Barth 1994], А. Зольберг [Zolberg, Woon 1999] и А. Виммер [Wimmer 2009]. Согласно этому подходу интеграция — это изменение конструкции границ или индивидуальных позиций людей относительно границ. Как и в других случаях (более детальную критику — см. [Варшавер 2022]), однако, этот язык работает, когда описывается интуитивно понятная ситуация двух больших воображаемых совокупностей, представители которых находятся рядом и взаимодействуют, и перестает работать, когда необходимо вообразить реальность, в которой категорий больше, они находятся в менее однозначных отношениях и «приписывание» людей к ним носит нечеткий характер. В этом отношении описываемый язык имеет значительно большую описательную силу, которая будет продемонстрирована ниже.

Как обычно понимается интеграция мигрантов? В связи с тем, что это понятие используется и в научных исследованиях, и в практической работе, и в общественных дискуссиях, предмет обсуждения нередко размывается и ускользает. Тем не менее можно утверждать, что всякий раз, когда говорится об интеграции мигрантов, говорится о разного рода отношениях и соотношениях между людьми в обществе в зависимости от их миграционного бэкграунда [Heckmann, Schnapper 2003; Heckmann 2006; Esser 2001;

Варшавер, Рочева 2016; Малахов 2015; Мукомель 2011]. Интеграция мигрантов в логике предложенного теоретического языка⁴ — это в общем виде ре-категоризация конкретных людей и этнических категорий в пространстве атрибутов, указывающих на их «мигрантскость» и «местность». Это тянет за собой изменение атрибутов, указывающих на близость-дальность, сходства-различия категорий. В конструкции этничности, с точки зрения представителей «местных» категорий, «мигрантскость» обычно значит, что «они отличаются от нас», из чего иногда также следует что представители «мигрантских» категорий похожи между собой. Более того, в некоторых случаях «мигранты» и «местные» в вернакулярных представлениях могут обладать характеристиками полноценных этнических категорий, находящихся в некоторых соотношениях с прочими этническими категориями. Представим ситуацию, при которой есть некоторый набор этнических категорий, каждая из которых — в качестве атрибута — имеет по-разному формулируемый маркер, который сообщает, что принадлежащие к этой категории «местные», «свои», или «приезжие», «мигранты», «чужие». В ходе перманентной ре-категоризации возможны следующие развития событий: (1) категория теряет атрибут «мигрантскость» и становится в ряд «местных» этнических категорий, отчего люди, к ней относящиеся, становятся «местными», (2) атрибуты одной из «местных» категорий расширяются за счет атрибутов «мигрантских» категорий, отчего люди, относящиеся к «мигрантской» категории, ре-классифицируются как представители «местной» категории, (3) категории и атрибуты не меняются, происходит ре-классификация конкретных людей, «мигрантская» категория сохраняется, если она «подпитывается» людьми и исчезает, если все или большинство людей, ранее принадлежавших к этой категории, ре-категоризируются. Эти варианты резюмированы в таблице.

От чего зависят характеристики ре-категоризаций, которые можно описать как интеграцию мигрантов? Можно выделить три блока факторов. Первый блок связан с теми характеристиками конструкции этничности, которые касаются категорий и их атрибутов. В частности, если основные индикаторы, позволяющие классифицировать человека как принадлежащего к мигрантской категории, видны невооруженным глазом и, в свою очередь, «местные» категории также определяются через внешность, вероятность ре-категоризации людей ниже, чем в ситуации, когда индикаторы не видны. Другой фактор — это такие атрибуты «местных» категорий, которые образуют высокий порог входа и тем самым не позволяют тем, кто ранее относился к «мигрантским» категориям, перейти в категории «местных». Это, впрочем, обычно решается таким образом, что среди «местных» категорий или находятся такие, которые характеризуются более низким порогом входа,

⁴ В силу широты явлений, которые обычно вкладываются в понятие «интеграция», следует оговориться, что в этой статье речь прежде всего идет о тех ее аспектах, которые традиционно относятся к так называемой символической интеграции.

или образуются новые категории — к ним, например, относятся различные категории, связываемые со вторым поколением мигрантов (такие категории описываются, например в [Портес, Мин 2017]).

Варианты изменений на уровне категорий, атрибутов и индивидов, которые происходят в ходе интеграции

Что происходит с конструкцией этничности	Что происходит с «мигрантской» категорией	Что происходит с людьми, которые принадлежали к «мигрантской» категории
«Мигрантская» категория переопределяется как местная	Категория продолжает существовать, но в качестве «местной»	Номинальные мигранты, не меня категориальной принадлежности, становятся «местными»
Атрибуты «мигрантской» категории включаются в атрибуты «местных» категорий	Категория исчезает	Номинальные мигранты перестают относиться к «мигрантской» категории, переходят в одну из «местных» категорий
Категории и атрибуты остаются неизменными	Категория остается или исчезает — в зависимости от приезда новых мигрантов и интенсивности индивидуальной ре-классификации в местные категории	Номинальные мигранты продолжают относиться к мигрантской категории, если соответствуют атрибутам этой категории и становятся «местными», если обретают атрибуты «местных» категорий

Источник: составлено автором на материалах своих исследований.

Второй блок факторов — это общие характеристики конструкции этничности, которые не связаны с конкретными категориями. Важной такой характеристикой является способ воображения разнообразия в обществе. Так, например, «мультикультурализм», описывающий общество как «лоскутное одеяло культур», довольно просто позволяет мигрантской категории встроиться в общество на правах еще одной «культуры» и встать в один ряд с «местными» категориями. Если воображение разнообразия осуществляется через метакатегорию «раса», вероятный сценарий состоит в том, что представители «мигрантской» категории оказываются «приписаны» к той или иной «расе» и тем самым становятся «местными», однако параллельно с этим они «выписываются» из «мигрантской» категории, для которой в принимающем обществе места нет. Сложнее ситуация для мигрантов, если принимающее общество воображает себя этнически гомогенным — обычно в таких ситуациях порог входа оказывается высок или — если гомогенность завязана на фенотип — непреодолим до момента, как общество не перевообразит себя, и в такой ситуации возможно возникновение маргинальных категорий или сохранение «мигрантских» категорий через поколения.

Третий блок факторов — это факторы, которые напрямую с конструкцией этничности не связаны. К ним, например, относятся ситуация на рынке труда, предполагающая или не предполагающая замыкание мигрантов на конкретных

позициях, пространственная дифференциация, «геттоизирующая» или «смешивающая» мигрантов и местных, человеческий капитал прибывающих мигрантов и проч. На конструкцию этничности и ре-классификацию индивидов этот блок факторов влияет посредством коммуникативно-когнитивных механизмов — интенсивная коммуникация между мигрантами и местными, с одной стороны, сближает их культурно (мигранты осваивают языки принимающего общества, местные — опривычивают культурный репертуар мигрантов), с другой — делает их более внимательными к изменениям в образе жизни конкретных людей, что, в свою очередь, сказывается на обобщенных представлениях, к которым относится и конструкция этничности.

Российский случай интеграции мигрантов⁵

Переопишем с помощью этого теоретического языка ситуацию с интеграцией мигрантов в России. Разнообразие в России на протяжении последних столетий воображалось посредством метакатегорий «народ», «национальность» или, в научной версии, «этнос», которые, в свою очередь, формировали российский или советский народ [Малахов 2006: 150; Слезкин 2001: 362]. Соотношение между этническими категориями, однако, воображалось посредством двух основных рамок, которые можно обозначить как «имперская» и «дружба народов». Если в имперской рамке атрибутом категории «русские» являлась ведущая роль в государственном строительстве, а также — в общем случае — большая культурность и сопряженная с ней культуртрегерская функция, «дружба народов» предполагала равенство между категориями. На разных этапах национальная политика в большей или меньшей степени тяготела к одному из указанных полюсов, равно как и вернакулярные способы воображения разнообразия неизбежно включали в себя обе эти рамки. Тем не менее в том, что касается «многооставности» народа, между этими рамками противоречий не было, в результате эссенциалистская идея, согласно которой Россию населяют разные народы, все вместе образующие «общий» народ (то есть конструкция этничности в части категорий описывается в рамках таксономии), прижилась и для большинства жителей не является проблематичной. Распад Советского Союза интенсифицировал миграционные процессы, однако фактически международная миграция в восприятии государства и простых людей не выходила за пределы способов воображения внутреннего разнообразия. Поворот случился в середине 2000-х [Мукомель 2005], когда, с одной стороны, в связи с экономическим ростом сменились характеристики миграционных потоков и постепенно становилось понятно, что речь идет не о согражданах другой «национальности», а о реальных иностранцах, с другой — в дискурсе во многом по мотивам погромов

⁵ Эмпирические обобщения, осуществленные в разделе, написаны на основании многолетних исследований автора, среди которых: [Варшавер и др. 2021; Рочева и др. 2017; Варшавер и др. 2016; Варшавер 2016]. А также на основании следующих работ: [Космарская, Савин 2021; Арутюнова 2008; Гудков 2005; Космарская 2018].

во Франции 2005 г. в обиход вошла категория «мигрант» со всем разнообразием ее — часто противоречащих друг другу — атрибутов, таких как «мигранты ленятся работать» и «мигранты отнимают наши рабочие места». Категория «мигрант» придала второе дыхание имперскому, иерархизирующему дискурсу о соотношении между категориями, который, с одной стороны, признает наличие «народов» в пределах видимости, с другой — предполагает примат русских над всеми остальными.

Этот дискурс, однако, сравнительно легко меняется на дискурс «дружбы народов», где мигранты оказываются членами «нашей большой семьи», в которую на равных основаниях входят все народы бывшего СССР или даже всего мира. Такое положение вещей поддерживается и национальной политикой, наследующей советской версии мультикультурализма, но также разными средствами указывающей на большую важность русского народа в этой конструкции⁶. В результате и в представлении государства, и в представлении простых россиян мигрант, чтобы стать членом российского общества, не обязан отказываться от своей культурной специфики, напротив, именно в качестве «таджика», «узбека» или «азербайджанца» он и становится «россиянином» или — в зависимости от ситуации — «русским». Неоднозначности ситуации придает то, что параллельно с этим «таджики», «узбеки» и «азербайджанцы» существуют в качестве «мигрантских» категорий, и отличие «таджиков» местных от «таджиков»-мигрантов лежит полностью в поле атрибутов категории «мигрант» и «местный», а также рядоположенных им.

«Местные» живут в России с рождения или продолжительное время, говорят по-русски, взаимодействуют с прочими «местными» и заводят с ними семьи, соответствуют «правилам» (не реальным, но скорее воображаемым) и проч. «Мигранты», соответственно, в России недавно, по-русски говорят плохо, с местными не общаются и замкнуты на своих соотечественниках. В тот момент, однако, когда приезжие из других стран (индивиды или целые сообщества) перестают соответствовать характеристикам «мигрантов» и становятся «местными», для них уже заготовлена «местная» этническая категория, связанная со страной происхождения, и они становятся «таджиками», «узбеками» и «азербайджанцами» частью из дискурса о «дружбе народов», частью — из имперского дискурса, однако и в первом и во втором случае — они становятся «своими».

Определенные «поломки» происходят в ситуации, когда мигранты не подходят ни под одну из «классических» категорий, посредством которых в Советском Союзе воображалось разнообразие. Например, обычно сложно вписать в «семью народов» африканцев, однако тенденция здесь такая же — создается вернакулярная этническая категория, ей атрибутируется «местность», и именно в нее помещается классифицируемый. Как, например, это

---

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (ред. 06.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 23.02.2023).

было описано в фильме «Асса»: *Это Витя. Мой друг, Витя. Чего вы так ша-рахаетесь? Возможно, Вас смущает, что он негр? Так это пустяки! Он наш негр. Советский, социалистический. Можно сказать, вы видите перед собой негра новой формации. Не Майкла, не Джо, заметьте, а Витю*⁷. Это общая модель, однако от нее есть и девиации и, в частности, параллельно мультикультуралистским представлениям существует редуцированная концепция, согласно которой Россия населена представителями категории «русские», индикаторами которой является не кровь или внешность, а культура, и в этом смысле мигранты в ходе интеграции становятся «русскими», но в определенной степени «русские» в такой ситуации оказываются зонтичной категорией, в которую, в свою очередь, могут входить прочие «национальности». С другой стороны — такой взгляд, который можно обозначить как «ассимиляционистский», хотя и существует, как представляется, носит на данный момент преимущественно маргинальный характер. В целом, таким образом, в России интеграция мигрантов осуществляется посредством реинтерпретации мигрантских категорий в качестве местных с последующей реклассификацией номинальных мигрантов из первой категории во вторую.

Дискуссия и выводы

В этой статье представлена обновленная версия теоретического языка, являющегося, по мнению автора, оптимальной основой для аналитической работы с этническими явлениями. Этот язык был применен к области интеграции мигрантов, в рамках чего этот процесс был переописан как ре-категоризация индивидов и категорий в пространстве категорий и атрибутов, описывающих людей как «местных» и «мигрантов». Было показано, как возможна такая ре-категоризация, а также от чего зависит ее ход и исход. Этот язык был, кроме того, рядоположен языку, сформировавшемуся вокруг категории «граница» и часто используемому для исследования интеграции мигрантов, и, хотя в силу ограниченности размеров статьи, не было приведено кейса, на котором преимущества «языка категорий-атрибутов» очевидны, можно говорить о том, что «язык границ» нечувствителен к разнообразию новых категорий, неизбежно возникающих в ходе интеграции мигрантов, а также не обладает должным аналитическим аппаратом, позволяющим анализировать категории в контексте друг друга (и здесь важно различение категоризации-классификации-таксономии). При этом нужно отметить, что эти языки не противоречат друг другу в существенных вещах (троичная модель, резюмированная в таблице, очень близка к модели Зольберга, согласно которой границы могут стираться, перерисовываться и индивидуально пересекаться), и скорее «язык категорий-атрибутов» позволяет уйти от неоптимальностей «языка границы», и в частности чрезмерной метафорической силы ключевого концепта. Тем не менее теоретический

⁷ Асса (фильм) // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=128896&oldid=127751862> (дата обращения: 23.02.2023).

и эмпирический анализ категорий, возникающих в ходе интеграции мигрантов — это важная задача на будущее. Равно таковым является анализ языка на предмет колониальности, которая в данном случае состоит в имплицитном выстраивании его от и в рамках воображения принимающего общества. В той мере, в какой интеграция — интерактивный процесс, взгляд мигрантов на разнообразие — это важный фактор, объясняющий ее протекание и исход. Это, впрочем, не противоречит тому, что все люди, вне зависимости от «местности» или «мигрантскости», воображают разнообразие посредством категорий и их атрибутов, а значит, речь идет о необходимости включения разных ракурсов в описания, создаваемые на языке и, соответственно, развитие языка, а не его о его сущностном изменении. Именно так и может быть сформулирована дальнейшая задача — описание на этом языке разных явлений и процессов, связанных с интеграцией мигрантов и находящихся в других плоскостях (например, полезно было бы применить этот язык для интерпретации явления, известного как «структурное неравенство»), за счет чего и будут происходить его развитие, детализация и спецификация. Если использовать метафору популярного языка программирования Python, базовый язык уже создан, теперь речь идет о создании полезных библиотек на его основе. Более того, важной задачей является микросоциологическое переописание интеграции, и здесь полезно будет обратиться к качественному социологическому инструментарию, в частности изучению биографий и семейных историй, однако в рамках большей задачи по моделированию интеграции с микросоциологических позиций и интеграции этой оптики с «языком категорий-атрибутов».

Можно ли говорить о результатах проведенного переописания для практики управления разнообразием? Да, без сомнения. Основной вывод состоит в том, что интеграция мигрантов, основанная на реализации политик и программ, — это лишь отчасти работа с мигрантами, но и, в немаловажной степени, это работа с конструкцией этничности, существующей в принимающем обществе, которая ключевым образом влияет на протекание и исход интеграции мигрантов. Инклюзивность принимающего общества, выражающаяся, в частности, в таком воображении различий, которое предполагает возможность полноценного участия в нем даже совсем недавних мигрантов, а также в представлении общества о самом себе как о совокупности единомышленников и как о множестве находящихся постоянно или временно на некоторой территории, вне зависимости от фенотипических и культурных характеристик, способствует более эффективной интеграции мигрантов, понимаемой в широком смысле. И такая инклюзивность достигается за счет работы с конструкцией этничности — с категориями и их атрибутами, а также способами воображения разнообразия и правилами входа — всеми теми вещами, которые стали видимы посредством представленного теоретического языка.

Поступила в редакцию / Received: 22.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 31.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Арутюнова Е.М.* Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 3. С. 66–73.
- Варшавер Е.* Этнические границы в местных сообществах: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М.: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3145037>
- Варшавер Е.* «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н.* Социальная карта района как инструмент городских исследований // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 3. С. 31–53. <https://doi.org/10.17323/usp13201631-53>
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Андреева А.* Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Гудков Л.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. С. 60–77.
- Космарская Н.П.* «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 187–213. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>
- Космарская Н.П., Савин И.С.* Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977.
- Малахов В.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015.
- Малахов В.С.* Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис: журнал о будущем. 2006. № 3. С. 144–159.
- Мукомель В.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20, № 1. С. 34–50.
- Мукомель В.* Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.
- Портес А., Мин Чж.* Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2, № 1. С. 122–141. <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>
- Рочева А., Варшавер Е., Иванова Н.* Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 167–184. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-167-184>
- Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период: антология / отв. ред. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 329–374.
- Alleyne M.C.* The Construction and Representation of Race and Ethnicity in the Caribbean and the World. Kingston: University of West Indies Press, 2002.
- Barth F.* Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond “Ethnic Groups and Boundaries” / ed. by H. Vermeulen and C. Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11–32.

- Barth F. Pathan Identity and its Maintenance // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, Series in Anthropology, 1969. P. 117–134.
- Benzecry C.E., Winchester D. 2 Varieties of Microsociology // *Social Theory Now* / ed. by C.E. Benzecry, M. Krause, I.A. Reed. Chicago: University of Chicago Press, 2017. P. 42–74. <https://doi.org/10.7208/9780226475318-003>
- Berg-Sørensen A., Holtug N., Lippert-Rasmussen K. Essentialism vs. constructivism: Introduction // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 11, no. 1. P. 39–45. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672754>
- Brubaker R. Ethnicity, race, and nationalism // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 21–42.
- Chandra K. What is Ethnic Identity and Does it Matter? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9, no. 1. P. 397–424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>
- Chandra K., Wilkinson S. Measuring the Effect of “Ethnicity” // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41, no. 4/5. P. 515–563. <https://doi.org/10.1177/0010414007313240>
- Constructivist theories of Ethnic Politics / ed. by K. Chandra. Oxford (NY): Oxford University Press, 2012.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. Perceptions of race // *Trends in cognitive sciences*. 2003. Vol. 7, no. 4. P. 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Esser H. Integration und Ethnische Schichtung. (Arbeitspapiere 40). Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2001.
- Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, Series in Anthropology, 1969.
- Fearon J.D. Ethnic structure and cultural diversity by country // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8, no. 2. P. 195–222. <https://doi.org/10.1023/A:1024419522867>
- Fearon J.D., Laitin D.D. Ordinary language and external validity: Specifying concepts in the study of ethnicity // Presented in the discussion at the LiCEP meetings at the University of Pennsylvania. Oct. 20–22, 2000. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2000.
- Gibson W., vom Lehn D. Institutions, Interaction, and Social Theory / ed. by R. Stones. London: Palgrave, 2018.
- Gil-White F.J. Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories // *Current anthropology*. 2001. Vol. 42, no. 4. P. 515–553. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Goetze D.B., James P. Evolutionary psychology and the explanation of ethnic phenomena // *Evolutionary Psychology*. 2004. Vol. 2, no. 1. P. 142–159. <https://doi.org/10.1177/147470490400200120>
- Haaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown Series in Anthropology, 1969. P. 58–73.
- Hale H.E. Explaining ethnicity // *Comparative political studies*. 2004. Vol. 37, no. 4. P. 458–485. <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Heckmann F. Integration and Integration Policies. IMISCOE Network Feasibility Study. Bamberg: European Forum for Migration Studies, 2006.
- Kurzban R., Tooby J., Cosmides L. Can race be erased? Coalitional computation and social categorization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2001. Vol. 98, no. 26. P. 15387–15392. <https://doi.org/10.1073/pnas.251541498>
- Ozgen Z. Maintaining ethnic boundaries in “non-ethnic” contexts: Constructivist theory and the sexual reproduction of diversity // *Theory and society*. 2015, no. 44. P. 33–64. <https://doi.org/10.1007/s11186-014-9239-y>
- Salter F. Evolutionary analyses of ethnic solidarity: An overview // *People and Place*. 2008. Vol. 16, no. 2. P. 41–51. <https://doi.org/10.3316/ielapa.305052726462281>

- Santiago-Irizarry V.* Medicalizing ethnicity: The construction of Latino identity in a psychiatric setting. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence // Forum Migration Series. Vol. 7 / ed. by F. Heckmann, D. Schnapper. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2003. <https://doi.org/10.1515/9783110507324>.
- Verkuyten M., De Jong W., Masson C.N.* The construction of ethnic categories: Discourses of ethnicity in the Netherlands // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18, no. 2. P. 251–276. <https://doi.org/10.1080/01419870.1995.9993863>
- Williams D.U.* How useful are the main existing theories of ethnic conflict? // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2015. Vol. 4, no. 1. P. 147. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v4n1p147>
- Wimmer A.* Does ethnicity matter? Everyday group formation in three Swiss immigrant neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27, no. 1. P. 1–36. <https://doi.org/10.1080/0141987032000147922>
- Wimmer A.* Elementary strategies of ethnic boundary making // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31, no. 6. P. 1025–1055. <https://doi.org/10.1080/01419870801905612>.
- Wimmer A.* *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (NY): Oxford University Press, 2013.
- Wimmer A.* Herder's Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies // *Sociological theory*. 2009. Vol. 27, no. 3. P. 244–270. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01347.x>
- Yeros P.* Introduction: On the uses and implications of constructivism // *Ethnicity and nationalism in Africa: Constructivist reflections and contemporary politics* / ed. by P. Yeros. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 1–14. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27155-9_1
- Zolberg A.R., Woon L.L.* Why Islam is like Spanish: cultural incorporation in Europe and the United States // *Politics & Society*. 1999. Vol. 27, no. 1. P. 5–38. <https://doi.org/10.1177/0032329299027001002>

Сведения об авторе:

Варшавер Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС; руководитель Группы исследований миграции и этничности, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: varshavere@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5901-8470)